ГОРОД СОЛНЦА

Крох проснулся уже в движении. Сейчас февраль, еще темно. Ему пять лет. Отец застегивает молнию на своей куртке поверх Кроха, Крох внутри, там теплее всего, и сердце Эйба стучится прямо ему в ухо. Мальчик задремывает, пока они спускаются от Хлебовозки, в которой живут, по мерзлой земле Эрзац-Аркадии. Грузовики, автобусы и навесы чернеют на фоне ночного неба, их пристанища, пока они не достроят когда-нибудь в смутном будущем свой Аркадия-дом.

Гонг сзывает их на воскресное утреннее собрание, куда-то. Народ струйками стекается в темноте. Доносится запах хлеба, который испекла мать. Ветер несет холод от Великого озера, что лежит севернее от них. Слышно, как шуршит, просыпаясь, лес. В воздухе возбуждение и тихие, ласковые приветствия; легкий снежок, дымок чьей-то затяжки, женские неразличимые голоса.

Когда Крох снова размыкает глаза, мир вокруг уже умягчен рассветом. Вихры стожков торчат над утоптаным снегом. Они на Овечьем лугу, и людские тела вокруг все ближе, собираются в толпу. Голос Хэнди за спиной Кроха доносится до всей Аркадии, до семи дюжин истинно верующих в зимнее утро. Крох выворачивается, чтобы глянуть на Хэнди, сидящего у самого леса среди темно-бордовых завитков ранней скуссо-

вой капусты, а потом разворачивается назад, прижимается щекой к пульсирующей шее отца.

Крох — крошечный, не мальчик, а мошка. Его часто подхватывают на руки и несут. Он не против. Под покровом надежной силы взрослых ты невидим. Можно наблюдать, что происходит вокруг, и слушать.

За плечом Эйба, далеко на вершине холма, маячит кирпичная тень Аркадия-дома. На ветру брезент над прогнувшейся крышей прижимается к ребрам-балкам, раздувается, как брюхо зверя, которому тяжело дышать. Наполовину застекленные окна — это открытые рты, застекленные полностью — глаза, уставившиеся на Кроха. Он отводит взгляд. Позади Эйба в инвалидном кресле сидит старик, отец Мидж, мастак скатиться с холма, распугивая играющих на склоне детей. Кроха снова накрывает испуг. Ощущение угрозы и скрип, вспышка беззубого рта и флаг с серпом и молотом, реющий, проносясь мимо. “Прыткий Старпёр”, зовет старика Ханна и кривит губы. “Сионист”, кличут его другие, потому что это то, что он выкрикивает после заката: Сион, молоко и мед, земля изобилия, место отдохновения для его народа. Однажды вечером, наслушавшись его воплей, Крох сказал: Разве этот Старпёр не знает, где он сейчас? Эйб, озадаченно глянув на Кроха, который возился со своими деревянными кубиками, спросил: И где же? — и Крох ответил: В Аркадии, вот где, — вкладывая в слово “Аркадия” то, что вкладывал в него круглоликий, как Будда, Хэнди, когда гладкими фразами настраивал сообщество так, чтобы и другие смогли узреть перед собой поля, изобильные плодами и злаками, солнечным светом и музыкой, заботливым людом, любовью.

Но в это холодное утро Прыткий Старпёр уж слишком мал и скукожен, чтобы его бояться. Он дрем-

лет под клетчатый одеялом, которым укрыла его Мидж. На нем охотничья шапка с опущенными ушами. Он посвистывает носом, из носа вырывается пар, и Крох думает о чайнике на плите. Голос Хэнди омывает его: *... в работе, как и в удовольствиях, разнообразие, надо думать, является задумкой природы...* — слова эти слишком весомы, неподъемны для мягких ног утра. По мере того как рассвет обостряет все очертания, Прыткий Старпёр вырисовывается все лучше. Нос его в сетке сосудов, тени прорезают лицо. Он просыпается, хмуро смотрит на Кроха, возится со своими руками, получше устраивая их на коленях.

...Бог, говорит Хэнди, это негасимая искра, что хранится в каждом человеческом сердце, в каждом комочке земли. В этом камешке, в этой льдинке, в этом растении, в этой птице. Все заслуживает нашей доброты.

Лицо старика меняется. Удивление крадется по его дряхлым, заиндевелым чертам. Пораженный Крох не может от него оторваться. Глаза, моргнув, раскрываются и замирают. Крох ждет, когда утесистый нос испустит следующее облачко пара. Этого не происходит, и в груди Кроха что-то смыкается в комок. Он поднимает голову с плеча Эйба. Вокруг губ старика медленно разливается пурпур; глазные яблоки заволакивает туманом и льдом. В его тело прокрадывается тишь.

Позади Кроха Хэнди рассказывает о музыкальном туре, в который он отправится через несколько дней, чтобы разнести по свету весть об Аркадии. *...меня не будет тут с пару месяцев, но я верю в вас, Свободные Люди. Я ваш гуру, ваш Учитель, но не ваш Лидер. Потому что, когда у вас хороший Учитель, вы сами себе Лидеры...* и люди вокруг Кроха посмеиваются, и где-то попискивает малышка Пух, и рука Ханни появляется

сбоку, чтобы поправить шапку на Крохе, которая наполовину сползла, так что одно ухо у него замерзло.

Хэнди говорит: *Помните об основах нашего сообщества. Давайте произнесем их все вместе.* Раздаются голоса: *Равенство, Любовь, Труд, Отзывчивость к Потребностям Каждого.*

Вскипает песня. *Споем песню, полную веры, которой научило нас темное прошлое,* поют они. Эйб под Крохом притаптывает в ритм. *Споем песню, полную надежды, которую принесло нам настоящее; встретим солнце нашего нового дня...* так песня заканчивается.

Тишина. Вдох. От великого Ом, вознесшегося над собранием Свободных Людей, взлетают с крыши Аркадия-дома испуганные вороны. Над всеми ними расцветает восход.

Он прекрасен так безупречно, что красив даже старик, его борода синее под новообретенным сиянием щек, очертания челюсти мягкие, пучки волос в ушах тронуты золотом. Он облагорожен живым светом. Исправлен.

Последний голос замолк, и как раз перед тем, как Хэнди сказал: *Спасибо, друзья мои,* Мидж кладет руку на плечо отца. Затем стягивает перчатку, прижимает голую ладонь к щеке старика. И в то время как аркадцы ходят туда-сюда, братаются, обнимаются, обмениваются позитивной энергией, голос Мидж прорывается сквозь общий шум. Отец? — тихонько зовет она. И еще, громче: Отец?

И не в скорости дело, с которой Ханна хватает Кроха и несет домой в Хлебовозку, и не в том, что Эйб не идет с ними, а остается, чтобы помочь Мидж.

И не в особом лакомстве, добавке сушеной черники в кашу, и не в Ханне, которая молча стоит у окна и дует на свой зеленый чай. И даже не в том, что говорит Эйб, когда входит: Кармическая энергия соединилась с эфиром, или: Это естественный цикл жизни, или: Все умирают, Ридли, милый. Эйб очень старается объяснить, но Крох так и не понимает. Он видел, как старик стал красивым. Его изумляют озабоченные лица родителей.

Печаль, которую они испытывают, начинает проявляться только тогда, когда Ханна после завтрака роняет грязные тарелки на стол и разражается слезами. Она бежит через Двор к Розовому Дударю, искать утешения у повитух Астрид и Мэрилин.

Эйб натянуто улыбается. Все в порядке, малыш Крох, с твоей мамой, говорит он. Просто то, что случилось сегодня утром, задело ее за живое, потому что и у ее папы дела сейчас не ахти.

Тут Крох чувствует, что сказанное отдает серой лжи. Началось не сегодня, Ханна уже какое-то время сама не своя. Крох позволяет неправде развеяться и унести прочь.

Папа Ханны, который живет в Луисвилле? — спрашивает он. Осенью дедушка с бабушкой приезжали, толстый дядька в шляпе пирожком, с плоской тульей и загнутыми краями, и беспокойная пыхтящая тетя, вся в розовом. Кроха потискали и оценили: Такой крошечный, пропыхтела тетя, ему и трех-то не дашь, не то что пяти! Они всё поглядывали на него искоса, и Ханна сказала, сдерживаясь изо всех сил: О боже, мама, он не отсталый, с ним все в порядке, он просто маленький очень. Потом ели, и розовая тетя к еде не притронулась, а то и дело подносила к глазам платок. Потом все рассорились, и жирный с пыхтелкой уехали.

На то, как они уезжают, Ханна смотрела, сверкая злыми слезами. Да сгниют они в своем буржуазном капиталистском аду, сказала она. Эйб ответил ей что-то, посмеиваясь, и чуть спустя ожесточение сошло у нее с лица, и, хоть и нехотя, она рассмеялась тоже.

И сейчас Эйб ему ответил: Да, твой луисвилльский дед. Он очень болен. Твоя бабушка хочет, чтобы мама приехала к ним, но Ханна не поедет. Как ни верти, нам никак без нее не справиться.

Из-за Секрета, да? — говорит Крох. Уже с месяц все шепчутся про Секрет, с тех самых пор, как Хэнди объявил, что отправится в музыкальное турне. Пока Хэнди не будет, они достроят Аркадия-дом, чтобы все переехали туда из Эрзац-Аркадии, этого скопища автобусов, ангаров и навесов, и наконец смогли жить вместе. Они готовились к этому целых три года, с тех пор как купили землю и нашли дом, только голод и тяжелая работа мешали. Аркадия-дом станет подарком Хэнди, когда тот вернется.

Эйб прищуривается и, двинув губами, показывает в рыжей бороде крепкие зубы. Что ж это за секрет, если даже малышня его знает.

Они играют в карты, в “рыбка, пльви”, и ждут Ханну. Та приходит зареванная, но уже поспокойней, и рассказывает, что Астрид и Мэрилин вызвали принимать роды в соседнее поселение, к амишам*. Вместо приветствия Ханна вжимает щеку в изгиб шеи Эйба, а Кроха нежно целует в лоб. Как вздох дыханием, жизнь становится жизнью. Ханна принимается за

* Амиши — самое консервативное направление в меннонитстве (разновидности анабаптизма), возникшее в 1693 г. в Эльзасе. Отличается простотой жизни и нежеланием принимать современные технологии и удобства (*Здесь и далее прим. пер.*).

растопку дровяной печки. Эйб заделывает щель в том месте, где он пристроил к Хлебовозке навес, в нее сквозит. Они ужинают, потом Эйб играет на губной гармонике, а когда наступает ночь, все трое укладываются набок тесным рядком на тюфяке, и Крох спит, как сердцевинка ореха pekan в скорлупе из родителей.

Лес темный, дремучий и выталкивает Кроха с такой силой, что тот поневоле бежит от корявых стволов, от стонов ветра в ветках. Мать просит его быть на виду, но он все равно бежит, и когда выбегает на поляну у Сторожки, его лицо стянуто холодом.

Титус, рябой, огромный, отворяет ему калитку. Титус кажется старым, даже постарше Хэнди, потому что его ранили во Вьетнаме. Крох Титуса обожает. Титус зовет Кроха “мальчик-с-пальчик”, поднимает, усадив на ладонь, и даже порой тайком приносит ему снаружи всякие сласти — то розовое кокосовое пирожное в целлофане, то мятные леденцы, похожие на налитые кровью глаза, — несмотря на запрет на сахар и на тот вред, который, несомненно, наносят животным, когда изготавливают продукт. Крох верит, что послевкусие от сладостей — это то, каков на вкус мир за пределом Аркадии. Титус и сейчас сует ему ириску в мятой желтой обертке и подмигивает, а Крох, сглотнув слюну, на мгновение прижимается лицом к засаленным джинсам своего друга и уж потом спешит дальше.

Вся Аркадия собралась на мерзлой дороге, попрощаться. Хэнди в позе лотоса сидит на носу Синего автобуса с четырьмя своими белокурыми детьми: Эриком, Лейфом, Хелли и Айком. Его главная жена, Астрид, высокая, седовласая, смотрит на них снизу вверх. Сняв

с себя пеньковое ожерелье, она повязывает его на шею Хэнди и целует его повыше третьего глаза. Перекрикивая рев двигателя, радио жарит забористую в стиле кантри песню. Другая жена Хэнди, Лайла, она носит в черных волосах перья, сидит с тощим маленьким Иеро, ее другим мужем. Отъезжающие обнимаются с теми, кто остается дома, и затаскивают свои вещи в автобус, затем Хэнди передает детей вниз: Айк на несколько дюймов выше Кроха, хотя на год младше; Хелле беспокойная, как ее папаша; Лейф всегда злой; толстый Эрик сам соскальзывает на землю, падает на коленки и изо всех сил старается не заплакать.

На крыльце Сторожки ссорятся раскрасневшиеся Уэллс и Кэролайн. Джинси, подружка Кроха, смотрит то на одного родителя, то на другого. Хотя ветер треплет ей кудри в десять сторон сразу, лицо у нее бледное и застылое.

От тропинки доносится сладкий звон колокольчиков, голоса. Из ниоткуда меж ветвей появляются шарообразные, кивающие головы великанов. У Кроха живот сводит от удовольствия. На дорогу выходят “Певцы Сирсэ́нсиз”, Ганс и Фриц, Саммер и Козел Билли, в белых балахонах, с куклами Адама и Евы в руках. Адам и Ева — новоиспеченные существа, голые, огромные, с набухшими багровыми пиписьками. “Сирсэ́нсиз” значит “зрелища” из латинского изречения “хлеба и зрелищ”. “Певцы зрелищ” по выходным выходят на акции протеста и митинги, ставят концертные номера, а порой устраивают еще и перформансы. Теперь люди в белых одеждах, вихляясь туда-сюда, поют под витающими над ними жуткими, великанскими тушами.

Они закончили, им жарко хлопают, и они запихивают своих великанов в кузов “фольксваген-фургона”.

Пока-пока-пока-пока, кричит смуглый маленький Дилан, сидя у Лисоньки на руках. Крох бежит к своему другу Колтрейну, который лупит палкой по схваченной льдом луже. Коул передает палку Кроху, тот тоже лупит, а затем передает палку брату Коула, Дилану, и Дилан упоенно ею размахивает.

Имбирная Иден, беременная, с большущим животом, разбивает бутылку шипучки о капот Синего автобуса и, выпрямившись, потирает себе спину. У нее медные волосы и белые зубы, которые блестят до того ярко, что Кроху хочется поплясать.

Хэнди кричит, что они вернутся до весенней посевной, Свободные Люди отзываются громким “ура!”, и Тарзан протягивает уезжающим сумку-холодильник с пивом — чтобы ее купить, парням из Гаража пришлось загнать один двигатель. Астрид надолго приникает к красивым губам Лайлы, и Иеро приникает, а потом соскальзывает на землю, и другие тоже, подружки и жены, целуются-обнимаются с теми, кто в окнах, а затем мотор набирает обороты, и автобус трогает в сторону Выездной дороги. Все ликует, а кое-кто плачет. В Аркадии люди все время плачут. А другие, смеясь, выделывают смешные танцевальные па.

Хелле бредет за автобусом, спотыкаясь, и рыдает по отцу. Вечно она в слезах, большеголовое, странное на вид дитя, вечно скулит. Астрид подхватывает Хелле на руки, та подвывает, уткнувшись матери в грудь. Звук автобуса смягчается, фильтруется расстоянием. Все, что они слышат, в тишине вдвойне громко: ветви потрескивают облепившим их льдом, ветер наждачной бумагой скребет по поверхности снега, хлопают натянутые на крыльце Сторожки молитвенные флажки, по мерзлой грязи поскрипывают резиновые сапоги.